

Людмила Посохова

Разорванный мир. Аккороды

Людмила Посохова

Разорванный мир. Аккороды

<https://litres.ru/74300523>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга не для виолончели с оркестром. Книга для любителей тяжелого рока.

Партитура Хаоса (Тональность: До-диез минор / C#m — глубокая, космическая и тревожная)

Вселенная не родилась со взрывом. Она зазвучала. В начале была Нота — чистая вибрация, настолько плотная, что свету потребовались миллиарды лет, чтобы просто пробиться сквозь её эхо. Древние называли это Словом, физики ищут в этом Бозон Хиггса, но любой музыкант знает правду: всё сущее — это лишь обертоны одной бесконечной симфонии.

Эта книга — не история войны миров. Война — это лишь грехи звукооператора. Это история настройки инструмента.

Два мира: Аккордия и Земля. Две женщины: Вера и Кира. И межмировой Департамент, стремящийся дирижировать оркестром Вселенной. Ножницы скуки Земли встретились с лезвиями страсти Аккордии. И когда материя двух миров столкнулась, пытаясь пожрать друг друга, Вселенная породила ошибку системы. Веру-Киру...

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Людмила Посохова

Разорванный мир. Аккороды

Глава

РАЗОРВАННЫЙ МИР

АККОРДЫ

ПРОЛОГ

Партитура Хаоса (*Тональность: До-диез минор / C#m — глубокая, космическая и тревожная*)

Вселенная не родилась со взрывом. Она зазвучала. В начале была Нота — чистая вибрация, настолько плотная, что свету потребовались миллиарды лет, чтобы просто пробиться сквозь её эхо. Древние называли это Словом, физики ищут в этом Бозон Хиггса, но любой музыкант знает правду: всё сущее — это лишь обертоны одной бесконечной симфонии.

У этой музыки всегда было два дирижёра, две руки Творца.

Аккордия. Мир правой руки. Здесь музыка стала физи-

кой, а физика — религией. Там камни поют при прикосновении, ветер пишет симфонии на барханах, а кровь воинов звучит как удар медных тарелок. Аккордия жила в крещендо. Это был мир вечного нарастания напряжения, где любовь кричала, а смерть падала в тишине абсолютного форте. Но любая мелодия, стремящаяся только вверх, рано или поздно срывается в визг. Когда Инквизитор Корвус попытался вырезать диссонанс из ткани реальности, он порвал саму партитуру. Мир треснул по швам, потому что правая рука забыла о существовании левой.

Земля. Мир левой руки. Здесь музыку загнали в строгие такты нотных станов. Симфонии здесь пишут чернилами на бумаге, а играют их в залах с идеальной акустикой, куда запрещён вход хаосу. Земля выбрала путь анданте — размеренный, логичный, смертельно скучный темп цивилизации. Здесь боль заглушали анальгетиками, а ярость лечили транквилизаторами. Левая рука сжимала партитуру так сильно, что выдавила из неё жизнь, оставив только сухую математику графиков и протоколов Директората. Но без крови и надрыва струны становятся стерильными нитями.

А потом случился Разрыв. Ножницы скуки Земли встретились с лезвиями страсти Аккордии. И когда материя двух миров столкнулась, пытаясь пожрать друг друга, Вселенная породила ошибку системы. Веру-Киру. Она не была избранной. Она была заплаткой. Единственной частотой, способной звучать одновременно в обоих ключах. В ней хирургиче-

ская точность земного стального скальпеля сплелась с первобытным рыком аккордианского зверя. Её тело стало резонатором, который мог выдержать напряжение разорванного мира, не сойдя с ума. Она была болью, обретшей голос.

Но у каждой виолончели должен быть смычок. Той силой, что тянула эту струну, заставляя её петь, а не рваться, стал Роман Дымов. Человек сломанной кости и контуженой тишины. Он не понимал гармоний сфер и частот распада. Его миром были четкие команды, отдача оружия и тяжесть чужого дыхания на руках во время эвакуации. Он был ритм-секцией этого безумного джаза — тем самым метрономом, который не дает музыке превратиться в шум. Его титановая спина и новая механическая рука стали басовой линией, удерживающей всю конструкцию от падения в бездну.

Эта книга — не история войны миров. Война — это лишь огрехи звукооператора. Это история настройки инструмента. О том, как нота «До» из умирающей Аккордии пыталась найти отклик в глухоте земной бюрократии. О том, как крик раненой Волчицы превратился в колыбельную для мертвого города. О том, что Целостность достигается не слиянием одинакового, а мучительным, кровавым компромиссом между порядком и свободой.

Космос вокруг нас продолжает звучать. Иногда это Реквием по утраченной гармонии. Иногда — Престо фурьозо битвы за выживание. Но если прислушаться очень внимательно — сквозь гул реакторов Станции Пересечения и вой москов-

ских сирен — можно различить тихий, едва уловимый аккорд. Две частоты, которые по законам физики должны уничтожать друг друга, вместо этого создают самую красивую мелодию во Вселенной. Мелодию, имя которой — Любовь.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Линза первая. Вера. Сталь. *(Москва, 03:14 ночи. Нейрохирургическая операционная ГКБ №1)*

Для всего мира сейчас глубокая ночь. Для неё — время суток значения не имеет. Есть только свет бестеневой лампы над головой и ритм кардиомонитора. *Ту-ду... ту-ду... ту-ду...* Звук бьет по барабанным перепонкам, отсчитывая секунды чужой жизни.

Руки Веры работают автономно от её мозга. Левая кисть погружена в багровое озеро вскрытой брюшной полости. Пальцы чувствуют то, что никогда не покажет МРТ — микровибрацию тромба, готового сорваться. Правая рука сжимает сосудистый зажим Холстеда («москит»). Движение выверено до микрона. Она перекрывает кровоток. Кровь в ране мгновенно темнеет, превращаясь из живой субстанции в инертную массу.

— Сухо, — хрипло бросает она ассистенту. — Салфетку. И расширитель Финоккетто глубже. Я не вижу устья.

Её голос звучит глухо из-за хирургической маски, но команда разносится по операционной как приказ генерала. Она богиня в этом стерильном аду. Её тело напряжено струной, спина затекла после многих часов непрерывной работы, но

слабость — это роскошь, которую хирург не может себе позволить.

Она берет иглодержатель Кастровьехо. Игла крошечная, почти невидимая. Монофиламент 6/0. Чтобы шить такой нитью, нужно задержать дыхание.

И тут мир моргает.

Свет лампы становится ядовито-синим. Запах антисептика сменяется запахом жженой коры и болотной сырости. Вместо писка монитора в ушах нарастает низкий гул, похожий на взмах исполинских крыльев.

Вера замирает. Игла висит в миллиметре от сосуда.

Она видит свои руки, но они другие. На костяшках — въевшаяся черная грязь и старые ожоги. Под кожей перекачиваются не сухожилия, а сплетения светящихся вен. А вместо пациента перед ней на истлевшем алтаре лежит мужчина в кольчуге. Его грудная клетка разворочена ударом чего-то тяжелого. Из раны не течет кровь — оттуда сочится густой черный дым.

Инстинкт сильнее наваждения. Это сон. Галлюцинация от переутомления. «Иглу в досягаемую зону», — мысленно приказывает себе Вера. Она должна закончить здесь. Сейчас.

Она опускает руку, чтобы сделать стежок, но фантомные ощущения слишком реальны. Там, в видении, её пальцы сами ложатся на шею умирающего воина. Она давит на сонную артерию, пытаясь остановить ток черного дыма. Давление пальцев идеально совпадает с движением её реальной ру-

ки в операционной.

— Вера Андреевна! — кричит анестезиолог. — Линия падает! Мы теряем его!

Синяя вспышка гаснет. Красный свет возвращается, ослепляя. Вера трясет головой, сбрасывая оцепенение.

— Адреналин в вену! Быстро! — рявкает она, возвращаясь к реальности. — Зажим держать! Я сказала, держать, мать вашу!

Она делает последний прокол иглой. Узел. Кровотечение остановлено. Она спасла его. Но кончики её пальцев в латексных перчатках всё ещё горят чужим синим огнем.

Линза вторая. Кира. Плоть. (*Аккордия, Час Расколотой Луны. Руины храма Эха*)

Здесь воздух плотный. Его можно резать ножом. Он дрожит от остаточной магии, которая выжгла траву на десять метров вокруг. Пахнет раскаленным гранитом, озоном и кровью. Своей и чужой.

Кира тяжело дышит, уперевшись руками в колени. Её боевой комбинезон из кожи василиска порван на плече, плечо онемело от прямого попадания заклинания Стазиса. Магический резерв пуст до дна, внутри осталась только звенящая пустота и тупая, животная ярость.

Перед ней корчатся трое ренегатов. Они связаны не цепями, а нитями чистого звука — полупрозрачными, вибрирующими струнами, которые рассекут любого, кто попытается их коснуться без контрмелодии.

— Гильдия тебя списала, Волчица, — шипит главный из пленников, сплёвывая кровь. — Ты стала слишком громкой. Слишком грязной.

Кира медленно поднимает голову. Веснушки на её переносице кажутся мазками пороха. Глаза горят расплавленным серебром. Она не маг созидания. Она — стихийное бедствие, упакованное в женское тело. Там, где другой плетет кружево заклинаний, она просто бьет звуковой волной, дробя кости.

— Вы были недостаточно осторожны, — говорит она. Голос саднит от крика. — Думали, если я люблю симфонии, то не умею ломать шеи голыми руками?

Она выпрямляется. Суставы хрустят. Ей нужен целитель. Нужно вправить вывихнутое плечо и залить в себя восстанавливающий эликсир, пока мышечные волокна не начали атрофироваться от магического истощения.

Кира закрывает глаза, сосредотачиваясь на боли. Боль — отличный проводник. Она касается своего плеча здоровой рукой.

Обычно исцеляющая магия требует нежности. Мелодий покоя. Представления света, заливающего ткани. Кира ненавидит эту часть обучения. Ей скучно. Поэтому она лечит себя так же, как убивает врагов.

Она не «напевает» мантру регенерации. Она представляет анатомический атлас. Рельеф разорванных мышц дельтовидной группы. Смещенную головку сустава. Её пальцы

впиваются в собственную кожу. Резкий поворот. Хруст. Она буквально вправляет саму себя, механически совмещая составные поверхности, игнорируя взрыв боли в нервах. Затем она дергает зубами пробку с эликсиром и льет густую синюю жидкость прямо на гематому.

И тут мир моргает.

Запах камня и крови сменяется резким духом хлорки. Низкий гул магии превращается в монотонный писк.

Она стоит в слепяще-белой комнате. Тело сковано усталостью. Над ней — огромная лампа, чей свет кажется твердым. Рука в странной тонкой перчатке держит стальной инструмент. Инструмент вонзается в живую плоть. Видение показывает ей разрез. Не рваный удар мечом, а идеальный, математически точный шов. Она чувствует, как чьи-то уверенные пальцы раздвигают мышцы специальными блестящими инструментами. *"Ранорасширители"* — мелькает мысль. Взгляд фокусируется на красной пульсирующей трубке.

«Сосудистый зажим... Мне нужен сосудистый зажим...», — проносится в голове мысль, принадлежащая не ей. Паническая, четкая мысль человека, который боится потерять контроль над ситуацией.

Кира рычит, отталкивая видение. Какая-то человеческая девчонка со своими железками лезет в её разум!

Белизна операционной лопается, как мыльный пузырь. Она снова в руинах храма, на коленях, сжимая собственное плечо. Но тошнота никуда не делась. И вкус во рту теперь

металлический — медный привкус крови.

Симфония. Нулевая точка.

За миллионы километров друг от друга обе женщины одновременно поднимают взгляд к своим отражениям.

Вера смотрит в стеклянную дверцу шкафчика с медикаментами в ординаторской. На неё смотрит уставшая врач с тенями под глазами. Но на секунду отражение подмигивает ей глазом, в котором пляшет серебряное пламя.

Кира смотрится в лезвие своего кинжала. На неё смотрит боевик с разбитой губой. Но на дне серебристой стали на миг проступает усталое лицо с темными кругами под глазами и белым воротничком халата.

Они видят друг друга. Не понимая. Не принимая. Но узнавая.

Первая нота диссонанса прозвучала.

Аккорд I. Вводный (Минорная терция — Ля минор / Am)

Глава 1. Вера. Скальпель и синева (*Москва, 03:14 ночи. Нейрохирургическая операционная ГКБ №1*)

Красное марево бестеневой лампы пульсировало в такт сердцу пациента. *Ту-ду... ту-ду...* Кардиомонитор был метрономом, отсчитывающим время до похорон или до пенсии самой Веры.

— Зажим! — её голос прозвучал хрипло из-под маски. Левая рука по локоть утопала в багровой паренхиме печени. Пальцы нащупали разрыв желчного протока толщиной с женский волос. Одно неверное движение — и желчь превра-

тит брюшную полость в химический ожоговый центр.

Она взяла иглу. Монофиламент 6/0 дрожал в пинцете Кастровьехо, как пойманная молния. Нужно было шить вслепую, чувствуя натяжение нити подушечками пальцев.

И тут реальность дала сбой.

Свет хирургической лампы не потух — он стал густым, сапфировым. Запах формалина и крови сменился озоновой свежестью после грозы. Вместо привычного писка монитора уши заполнил низкий гул, от которого заныли зубы.

Вера моргнула. Она всё ещё стояла у стола. Ассистент подавал ей салфетки. Но сквозь его лицо проступил другой пейзаж: черное небо Аккордии, разорванное двумя лунами. А вместо операционной раны она увидела лежащего мужчину в кольчуге. Его грудная клетка была разворочена, но оттуда сочился не кровь — густой черный дым.

Инстинкт врача оказался быстрее паники. Дым нужно остановить. Давление. Нужна тампонада. Её реальная рука в операционной автоматически нажала на рану сильнее, блокируя венозный отток.

— Вера Андреевна, вы давите на двенадцатиперстную! Вы сейчас сделаете новый свищ! — взвизгнул молодой ассистент.

Синий морок дрогнул. Черный дым исчез. Перед Верой снова была человеческая плоть. Она глубоко вдохнула через маску, пытаясь выровнять пульс. Это четвертый раз за неделю. Если кто-то заметит...

— Простите, — бросила она. — Свет чуть сместился. Продолжаем. Салфетку.

Когда часы в пустом ординаторском посту показали пять утра, глаза резало так, будто их начиняли песком. Операция прошла успешно. Пациента увезли в реанимацию. Вера стянула прилипший к спине мокрый халат. Руки мелко тряслись — отходняк от адреналина смешивался с липким страхом перед галлюцинациями.

Дверь скрипнула. На пороге возник зав. отделением Илья Львович. Он даже не переоделся после своей смены — просто бросил портфель на диван. Под глазами заведующего висели тяжелые мешки, но взгляд оставался стерильным, как кафельная плитка.

— Отчет о сегодняшней операции уже у меня на столе, Вера Андреевна, — начал он без предисловий, снимая очки на цепочке и нервно протирая их полой халата. — И я настоятельно рекомендую вам добавить туда постскрипtum. О вашем внезапном приступе цветовой слепоты и нарушении координации во время ушивания холедоха.

Вера медленно повернулась. Холод металла столешницы приятно остужал горящие ладони.

— У меня не было приступа, Илья Львович. Была сложная анатомия. Протокол соблюден. Кровопотеря минимальная.

— Не лгите мне, — он шагнул ближе. От него пахло валерьянкой и плохим кофе. — Я видел запись с камеры наблюдения. Вы разговаривали с воздухом. Ваши руки двигались

в ритме хаоса, пока пациент истекал кровью. Вы понимаете, что будет, если это попадет в Минздрав? Нас закроют. Вас лишат диплома. Уголовное дело за халатность!

— Закройте рот, — тихо сказала Вера. Впервые за десять лет работы она позволила себе говорить с ним таким тоном. — Рот закройте, а историю болезни принесите. Ту самую. Из реанимации. Палата триста четырнадцать. Посмотрите на показатели лактата. Я вытащила его с того света отнюдь не вашими хваленными протоколами. А теперь вон из моей ординаторской. У меня через час пересменка.

Илья Львович побагровел. Его губы затряслись, но слов не нашлось. Он привык ломать сотрудников, но Вера была сделана из той же легированной стали, что и её скальпели. Заведующий молча схватил свой портфель и вышел, хлопнув дверью так, что задрожали стекла шкафов с медикаментами.

Вера осталась одна. Тишина звенела в ушах. Она подошла к раковине, включила ледяную воду и плеснула в лицо. Когда она подняла голову, собственное отражение в темном стекле шкафчика смотрело на неё чужим, серебряным глазом.

Глава 2. Кира. Камертон боли (*Аккордия, Час Расколотой Луны. Руины храма Эха*)

Пыль оседала три часа. Храм Эха перестал существовать — от него остались только оплавленные колонны и воронка в граните, уходящая к самому основанию горы. Пахло раскаленным камнем и озоном.

Кира сидела прямо в пепле, привалившись спиной к чудом уцелевшему фрагменту фрески. Её левый наплечник из кожи василиска сплавился с кожей. Боль была тупой, монотонной, надежной. Магический резерв зиял абсолютной пустотой. Внутри осталось только эхо собственного крика и звон в барабанных перепонках.

Перед ней корчились трое ренегатов. Они были спеленуты нитями чистого звука — полупрозрачными вибрирующими струнами. Любое прикосновение к такой нити без контрмелодии стоило бы им кистей рук.

— Гильдия списала тебя, Волчица, — просипел главный пленник, сплывая кровь пополам с выбитыми зубами. — Ты стала слишком громкой. Слишком грязной для Песни.

Кира медленно подняла голову. Веснушки на переносице казались мазками пороха. Глаза цвета расплавленного серебра смотрели равнодушно. Там, где другие маги плели кружева гармоний, Кира была звуковой волной, дробящей кости.

— Вы были недостаточно осторожны, — её голос звучал как треск сухого дерева. — Думали, если я люблю симфонии Прокофьева, то не умею рвать глотки голыми руками?

Она попыталась встать. Сустав плеча хрустнул. Мышцы отказались держать вес тела. Магическое истощение переходило в некроз тканей. Ей нужен целитель. Нужен покой. Нужен чертов восстанавливающий эликсир, пока фасции не начали ссыхаться.

— Корвус найдет тебя, — прошептал второй пленник. —

Инквизитор слышит фальшь за лигу. Тебе конец.

При упоминании имени Корвуса внутри Киры что-то оборвалось. Страх. Животный, первобытный ужас существа, которое знает, что столкнулось с чем-то более совершенным и жестоким. Инквизитор не убивает быстро. Он заставляет гнить заживо.

Кира закрыла глаза, сосредотачиваясь на боли. Боль — отличный проводник. Она всегда лечила себя сама, потому что ненавидела нежные мелодии штатных целителей. Для них магия была искусством. Для неё — грубой механикой.

Она представила анатомический атлас. Дельтовидная мышца. Разрыв волокон. Смещение сустава. Её пальцы здоровой руки впились в собственную шею и плечо. Резкий поворот. Хруст. Сухой щелчок вправляемой головки плечевой кости. Она буквально вправляла саму себя, игнорируя взрыв белой агонии в нервах. Затем дернула зубами пробку с синим эликсиром и вылила густую жижу прямо на гематому.

Жидкость вспыхнула холодным огнем. Нервные окончания начали просыпаться.

И тут мир моргнул.

Запах камня и крови ударил в нос запахом хлорки, озона и чего-то кислого — желудочного сока. Низкий гул магии превратился в монотонный, сводящий с ума *бип-бип-бип*.

Она больше не сидела в руинах. Она стояла посреди ослепительно-белого кафеля. Рука в тонкой латексной перчатке сжимала сталь. Взгляд опускался вниз: идеальный, матема-

тически точный разрез на бледной коже. Красная пульсирующая трубка. Аорта.

«Мне нужен сосудистый зажим...», — пронеслась в голове мысль. Паническая, четкая, принадлежащая не ей. Мысль человека, который боится потерять контроль над ситуацией.

Кира зарычала, отталкивая видение. Какая-то человеческая девчонка со своими железками лезла в её разум!

Белизна лопнула мыльным пузырем. Она рухнула обратно в пыль храма, хватая ртом воздух. Но тошнота никуда не делась. И вкус во рту теперь был медным — привкус крови.

Дверь храма, висящая на одной ржавой петле, протяжно скрипнула. На пороге возникла фигура, чье появление заставило связанных ренегатов замолкнуть.

Магистр Инквизиции Корвус вошел бесшумно. Его белый плащ не нес ни единой пылинки этого разрушенного мира. Лицо скрывала серебряная маска-резонатор, превращающая дыхание в ровное тикание идеального камертона.

Он остановился в пяти шагах от Киры. Ему не нужны были наручники — само пространство вокруг него казалось тверже алмаза.

— Фортиссимо, — произнес Корвус. Голос из-под маски звучал глухо, анализирующе. — Ты разрушила акустику зала ради трех бродяг. Твоя партия звучит фальшиво, Кира. Третий обертон съезжает в инфразвук.

Кира сплюнула кровь. Плевок зашипел на горячем камне. — Заткни свою маску, Корвус. Или сыграй сам, если такой

смелый.

Инквизитор поднял руку. Перчатка издала тихий металлический шелест. Воздух между ними загустел. Кира почувствовала, как давление падает. Звук исчезает. Начинаясь «Ария Безмолвия» — любимая пытка Инквизиции, когда маг перестает слышать собственные мысли, тоня в абсолютной тишине.

Кира оскалилась. Она упала лицом в пепел, перекатилась вбок, уходя с линии атаки, и со всей оставшейся дури ударила кулаком по полу.

Удар не породил огня. Он породил вибрацию. Грязную, низкую, неправильную ноту Си контроктавы. Пол под ногами Корвуса пошел сетью трещин. Маска-резонатор на лице Инквизитора пошла мелкой рябью, пытаясь сгладить помеху.

Этого мгновения хватило. Кира вскочила на ноги и нырнула в пролом стены, оставляя позади своих пленников и безупречную музыку мести Магистрата.

Аккорд II. Доминантовый септаккорд (Напряжение — Ре мажор с седьмой ступенью / D7) *Звучание: Неустойчивость, диссонанс, требующий разрешения. Зудящая тревога перед взрывом.*

Глава 3. Вера. Анатомия миража (Москва, Отделение патологической анатомии ГКБ №1, утро)

Формалин не перебивает запах крови. Он просто накладывается сверху, создавая тошнотворный коктейль из боль-

ничных запахов. Вера стояла у секционного стола, вглядываясь в монитор микроскопа.

— Тридцать лет режу людей, Верочка, а всё равно удивляюсь, — проскрипел над ухом голос Григория Марковича, патологоанатома по прозвищу "Архивариус смерти". Старик протер очки полой застиранного халата. Его лицо цветом напоминало плохо выделанный пергамент, а пальцы вечно были синими от реактивов. — Какая гармония, а? Посмотри на этот срез.

Вера заставила себя перевести взгляд со своих рук — руки мелко дрожали после утреннего приступа синего пламени — на стекло. Клетки печени пациента из триста четырнадцатой палаты выглядели... счастливыми. Митохондрии светились ровным янтарным светом даже после смерти. — Это не ишемия, дядь Гриш. И не некроз.

— Именно! — Григорий Маркович радостно хихикнул, как ребенок, нашедший под елкой подарок. В его глазах горел нездоровый азарт исследователя. — Смерть наступила мгновенно от резкого переохлаждения тканей до минус ста градусов. А теперь посмотри на соседний фрагмент. Видишь эти края? Они обуглены изнутри. Их сожгли плазмой температурой в пять тысяч кельвинов. Пациент одновременно замерз и сгорел заживо. Красиво, правда? Совсем не по учебнику Пирогова.

Он снял перчатки с влажным резиновым хлопком и достал из кармана помятую пачку сигарет. Курить в морге было

строжайше запрещено, но для Григория Марковича законы физики и приказы заведующего существовали в разных вселенных. — Я тут покопался в архивах, пока твой Илья Львович писал на тебя телегу психиатрам, — он заговорщицки понизил голос, выдыхая сизый дым. — Нашел похожий случай. Девяносто шестой год. Патологоанатом тогда списал это на шаровую молнию. Но знаешь, что я тебе скажу? Молнии не оставляют внутри пациентов волокон, которые выглядят как струны. Они вибрируют, Вер. До сих пор. Положи руку на стол.

Вера машинально опустила ладонь на холодный край нержавеющей стали. По костям пробежал низкий гул, поднимающийся от самого фундамента здания. Стол пел. Тонко, на грани слышимости, выдавая ноту чистого «Ля».

— Что ты мне суешь эту дрянь? — Вера резко одернула руку, стирая выступивший холодный пот. — Мне нужно МРТ делать, а не слушать, как столы воют. У меня завтра две плановые панкреатэктомии. Если я возьму в руки скальпель и снова увижу ту девку в железе...

— То ты сделаешь свою лучшую работу, — отрезал старик, становясь серьезным. Морщины вокруг его рта залегли глубже. — Хватит бегать от этого, девочка. Организм не дает симптомов просто так. Если твоя нервная система генерирует образы другого мира, значит, там есть очаг поражения. Или... источник исцеления. Перестань быть только хирургом, включи голову. Это физика. Найди точку входа.

Иначе следующий синий огонь спалит тебе не кончики пальцев, а мозжечок.

Он бросил окурок в банку с формалином, развернулся и шаркающей походкой пошел к выходу, оставив её одну среди жужжащих холодильников и поющих столов.

Глава 4. Анна Павловна. Стерильная контрабанда. Кофе в пластиковом стаканчике обжигал руки. Вера сидела на пожарной лестнице черного хода — единственное место в больнице, где не висели камеры наблюдения Ильи Львовича.

Дверь скрипнула. На площадку тяжело вышла Анна Павловна, старшая сестра отделения. Она держала в одной руке ведро с грязной ветошью, а другой прижимала к груди бумажный сверток, от которого пахло домом — жареным луком и укропом.

— Поешь, горе луковое, — буркнула она, протягивая сверток. — Третий день ничего кроме никотина в желудке. Смотреть тошно. Синяя вся.

— Спасибо, Пална, — Вера взяла еду непослушными пальцами. Тепло чужого дома сквозь бумагу казалось единственным настоящим ощущением в этом мире пластика и стали. — Меня Ливанович съест. Требуется заключение невролога.

Анна Павловна прислонилась плечом к стене, подставив лицо тусклому солнцу. Её плечи, привыкшие таскать каталки с трупами, казались каменными.

— Уже съел. Приказ о твоём отстранении от операций

пришел час назад. Подпись шефа видела?

— Еще нет. — А я видела. Он чуть ручку не сломал, так давил. Радует, хоре́к болотный. Думает, избавился от конкурента.

Вера сжала кулак так, что пластиковый стаканчик хрустнул. Горячий кофе выплеснулся на бетон, издав шипение.

— Я лучший сосудистый хирург города! Я вчера парню жизнь спасла!

— Спасла, — спокойно кивнула медсестра, даже не моргнув. — Только сделала это левой рукой, потому что правая в это время пыталась заткнуть дыру в грудной клетке призрака. Я была в операционной, Вер. Я знаю. Когда датчики сошли с ума, а кровь в ране начала светиться ультрафиолетом, никто, кроме меня, не смотрел на тебя. Все смотрели на мониторы. Я загородила обзор камере спиной. Минуты на три. Больше не смогла, начмед приперся.

Вера замерла с набитым ртом. Еда потеряла вкус.

— Зачем тебе это, Пална? Ты же рискуешь работой. Ради чего прикрывать сумасшедшую?

Анна Павловна посмотрела на неё сверху вниз своими блеклыми, добрыми глазами.

— Затем, что мой муж умер на таком же столе десять лет назад. От дурацкого внутреннего кровотечения, которое прошляпили молодые гении вроде тебя. Вы все умные, в компьютеры свои смотрите. А жизни в вас нет. Ты хоть и чокнутая сейчас, Вер, но ты *живых* видишь. Насквозь. Я та-

ких за версту чую. Поэтому вот, — она пнула ногой ведро. — Там, на дне, под тряпками, лежит ключ. Старый, латунный. От подвального крыла. Где старый морг стоял, еще до-революционный. Стены там толстые, гранит. Никакой маг-нитный резонанс твои мозги там не прожарит. Сиди, учи свои картинки, если уж они к тебе лезут. Но чтоб через неде-лю справка от врача была, поняла? Иначе я сама тебя в пси-хушку сдам. Нечего дурочку валять.

Она подняла тяжелое ведро и скрылась за дверью, оставив Веру одну с запахом домашней еды, липким кофе на бетоне и латунным ключом, который холодил карман больничной пижамы могильным холодом.

Тем же вечером. Ни в какой старый морг Вера не пошла. Она поехала домой. Сесть за руль не рискнула. Вызвала так-си. Таксист, разбитной парень, включил магнитофон. Хрип-ловатый голос пел: "Группа крови на рукаве, мой порядко-вый номер..." Вере стало совсем тошно. Она остановила так-си и вышла. Тихо плелась мимо домов, в которых уже зажи-гались окна. Устала. На единственной не сломанной скамей-ке сидел мужчина примерно ее лет.

- Я сяду? — спросила Вера.

- Садись — ответил он и протянул ополовиненную бутылку коньяка — выпьешь?

- Выпью — вяло ответила она — и хлебнула прямо из горла.

Утром проснулась в незнакомой квартире от запаха кофе и жаренного бекона. Оглядела себя. Она спала в одной ком-

бинашке на кровати с одной подушкой. Замерла от стыда и страха. Из кухни донесся голос

- Не тушуйся, Ничего не было. Ты вырубилась прямо в коридоре. Еле дотащил. Я только раздел тебя.

- Я сейчас, сейчас – пробормотала она и замерла. Как обращаться к обладателю приятного голоса она не могла вспомнить.

- Ладно, давай приводи себя в порядок и на кухню – знакомиться и завтракать. – голос мужчины приобрел насмешливые нотки.

В ванной Вера умывалась, стараясь не глядеть в зеркало. Щеки полыхали огнем. А еще она боялась увидеть тот, другой мир...

На кухне хлопотал высокий плечистый коротко стриженный мужчина. Не красавец. Обычное лицо. Только глаза... В них плескалась боль.

- Не бойся, солдат ребенка не обидит – усмехнулся он – хотя, какой ты ребенок.

- Да, уж, я сама кого хочешь обижу – пробормотала Вера – давай, что ли знакомиться.

Меня зовут Вера Андреевна. Я врач, хирург... последние несколько дней были тяжелыми.

- Ну а я Роман Николаевич Дымов – он помолчал – Спецназ. Комиссован. Травма позвоночника и контузия. – Вы ешьте, ешьте пока не остыло.

- Где моя сумочка? – тихо спросила Вера – бабушка на-

верно с ума сходит.

Роман поднялся и какой-то скованной походкой пошел в коридор. Принес сумочку. Вера достала телефон. Масса не отвеченных звонков от самого родного ей человека. Включила звук. Почему-то на громкую.

- Ну как тебе спалось в морге? – ворвался голос бабушки.
– Мягко было на секционном столе?

- Ба, я все тебе расскажу, когда приду с работы – Вера старалась говорить ровно. Все хорошо.

- Не ври мне. Я все знаю. Мне Анна Павловна все рассказывала. Тебя, поди уже уволили. – голос бабушки посторожил – не смей впадать в уныние. Прорвемся!

Брови Романа Николаевича поднимались все выше. Взгляд становился все острее.

Когда бабушка выдохлась и закончила разговор, он сел за стол напротив Веры и коротко приказал – Рассказывай!

Вера рассказала. О том, что живет с бабушкой в двухкомнатной квартире. Что родители давно каждый живет своей жизнью. Ей уже тридцать пять. Что у нее своей жизни нет. Сначала учеба, потом работа, работа, работа! А еще и видения в самый неподходящий момент. Теперь или в психушку или в петлю. Тут она расплакалась. Да что там, разревелась, упав головой на сложенные руки.

- Отставить слезоразлив! Психушка и петля отменяется! Во всем разберемся Я тоже не мальчик и кое-что умею. – он протянул ей стопку – извини, валокордина не держу. Зато

есть выдержанный коньяк. Ну-ка, одним махом!

Глава 5. Кира. Механика хаоса (*Аккордия, Нижний город, логово Риана*)

Пахло жженым канифолью, озоном и дешевым джином. Лаборатория Риана располагалась В Нижнем городе прямо под станцией пневматической почты. Пол постоянно вибрировал, сбивая настройки точных весов, а с потолка каждые сорок секунд сыпалась сажа. Кира нашла его, когда ей нужен был амулет для защиты от Инквизиции. Магия для него – это инженерная задача, а не искусство. Талантливый артефактор с криминальными наклонностями. Кире всегда казалось, что он слегка сумасшедший (или не слегка?). Риан единственный, кто не падает ниц перед ее титулом Волчицы. Он хамит ей, пьет дешевый джин и собирает для нее устройство, которое должно стабилизировать ее разрушительные импульсы. Он учит ее ценить точность так же, как и силу. Кто он ей? Наставник, друг или соучастник? Кира иногда задавалась этим вопросом и не находила ответа. Она помнила взрыв в лаборатории Риана из –за ошибки того в расчетах для первого амулета сдерживания. Вместо того, чтобы извиняться, он восторженно изучал воронку в полу, а Кира тогда впервые за долгое время смеялась, чувствуя родственную душу, влюбленную в разрушение созидательного толка.

Сейчас Риан сидел на перевернутом ящике, закинув ноги на рабочий стол. На коленях у него лежала разобранный ручная граната, которую он чистил старой зубной щеткой.

При виде Киры он даже не поднял головы.

— Явилась, Волчий Вой, — фыркнул он, перекатывая во рту леденец. — Гильдия назначила за твою башку цену. Хорошую. Золотом, не нотами. Корвус уже пустил Гончих по следу. Чего надо? Эликсир заберешь или сразу яд попросишь, чтобы красиво уйти?

Кира сбросила его ноги со стола одним движением. Дерево треснуло. Риан лениво поднял наконец глаза. Один глаз был нормальным, человеческим, второй заменял сложный оптический прибор с линзой.

— Нужен щит, — бросила она. — Амулет. Что угодно. Инквизитор использует Арию Безмолвия. Он отсекает меня от эфира. Мне нужен резерв.

Риан медленно почесал небритую щеку. — Резервуар-щит стоит дорого. Особенно для такой дырявой глотки, как ты. Ты ведь не контролируешь выбросы. Для тебя магия — это дубина. А дубиной нельзя играть на арфе, понимаешь? Ты рвешь струны. Из-за тебя лопаются кристаллы-аккумуляторы в радиусе километра.

— Мне плевать на твои аккумуляторы, — Кира нависла над ним. От нее пахло пеплом и кровью. — Собери мне устройство, которое будет петь мою частоту вместо меня. Автономно.

Механик вздохнул, закатил свой механический глаз куда-то в потолок и щелкнул суставами пальцев. — Ладно. Садись. Раздевайся по пояс.

— Что?!

— Спину показывай, идиотка. Я не буду вешать артефакт поверх кожи василиска, он перегорит от твоего жара. Контакт должен быть прямым. Плоть к кости.

Кира нехотя стянула перевязи с клинками и кожаный жилет. Ее спина боевика со стажем представляла собой карту проигранных войн: белые нити шрамов от когтей гарпий пересекали рельеф мышц, левая лопатка была деформирована старым переломом.

Риан натянул плотные пакелитовые перчатки. В руках у него появился инструмент, похожий на гибрид шприца и гравировальной иглы.

— Будет больно. Очень. Я буду вплетать проводники прямо в фасции. Тебе придется сдерживать регенерацию, иначе вытолкнешь инородное тело за сутки. Готова?

Игла вошла под кожу без наркоза. Кира сжала челюсти до хруста, но не издала ни звука. Она смотрела в стену, пока Риан чертил под ее кожей светящуюся схему. Это длилось час. Каждое касание отзывалось фейерверком боли в нервах.

Когда он закончил, вдоль позвоночника девушки шла сложная вязь из серебряных нитей, пульсирующая в такт её дыханию.

— Вот, — выдохнул Риан, падая обратно на ящик и делая огромный глоток из горла бутылки. — Мана-камера. Накапливает излишки твоего шума, когда ты взрываешь горы, и отдает их, когда тебя пытаются заставить замолчать. Хватит

минут на десять полноценного боя. Потом превратишься в овощ. И да, — он ткнул в неё пальцем. — Если эта штука коротнет от переизбытка силы, твой позвоночник испарится быстрее, чем ты скажешь «Ой». Постарайся сегодня никого не убивать слишком громко.

Кира медленно застегивала ремни снаряжения. Впервые за долгое время тяжесть металла на плечах приносила облегчение. Она чувствовала присутствие Риана — колючего, язвительного, невыносимого. Он ненавидел её статус, презирал её методы, но понимал язык разрушения лучше любого Архимага Консерватории.

— Почему ты помогаешь мне? — спросила она, затягивая пряжку наруча. — Мы враги. Ты работаешь на Совет.

Риан усмехнулся, демонстрируя отсутствие двух передних зубов.

— Потому что Корвус хочет тишины. Идеальной, мертвой гармонии. А я люблю, когда техника искрит, провода плавятся и всё идет наперекосяк. Твоя фальшивость, Волчица — лучшая музыка для моих ушей. Проваливай отсюда, пока Гончие не взяли след по запаху моего джина.

Кира еле доползла до своей норы. Одинокое логово Волчицы...

Аккорд III. Кульминационный диссонанс (Увеличенное трезвучие — До-диез увеличенное / **C#aug**) Звучание: Резкий, режущий слух аккорд. Боль, разрушение старой жизни, точка невозврата.

Глава 6. Вера. Анафилаксия системы (*Москва, Конференц-зал ГКБ №1, 09:00*)

Свет флуоресцентных ламп резал глаза сильнее хирургического софита. В конференц-зале пахло озоном от проектора, остывшим кофе и дорогим парфюмом начмеда. На экране застыла стоп-кадр из операционной: вид сверху на распоротый живот пациента. И рука Веры в ране. Только вместо пальцев там пульсировал сгусток синего света, похожий на шаровую молнию размером с грецкий орех.

Илья Львович стоял у кафедры. Его голос звенел от плохо скрываемого триумфа.

— Коллеги, то, что вы видите, называется острой психотической реакцией на фоне хронического переутомления. Врач Андреева не просто нарушила протокол ушивания холедоха, она подвергла жизнь пациента риску ради своих эзотерических практик. Мы имеем дело с опасным прецедентом.

Вера сидела в первом ряду. Спина прямая, руки сложены на коленях. Внутри неё не было ни стыда, ни страха. Там поднималась холодная, кристальная ярость хирурга, которому мешают спасти жизнь. Она смотрела на экран и видела не «эзотерику». Она видела идеальный гемостаз. Синий свет остановил кровотечение там, где обычная коагуляция вызвала бы некроз тканей.

— Я требую немедленного отстранения Веры Андреевой от практики, — продолжал Илья Львович, поправляя очки.

— И направления на принудительную психиатрическую экспертизу. Пока мы не потеряли кого-то по-настоящему.

Начмед кивнул, готовясь стукнуть молотком. Это был конец. Лишение категории, увольнение по статье, вечный позор в профессиональной среде. Вера медленно поднялась. Кресло скрипнуло. Все головы повернулись к ней.

— Вы закончили? — её голос прозвучал пугающе ровно. — Хорошо. Тогда слушайте меня внимательно, коллеги. Пациент Петров поступил с разрывом аневризмы. Шанс выжить при такой кровопотере — два процента. Стандартная хирургия дала бы ему десять минут агонии. Мой... синий свет, как вы его называете, позволил мне работать сухим полем пятнадцать минут. Он жив. Сейчас он дышит в реанимации. А теперь о главном.

Она подошла к кафедре, бесцеремонно сдвинув локтем замершего Илью Львовича, взяла пульт и нажала кнопку. Кадр сменился. Теперь это была распечатка биохимии крови того самого парня из ДТП с тлеющей раной. — Посмотрите на уровень лактата. Ноль целых две десятых. При гипоксии такого не бывает. Ткани получали кислород прямо из воздуха через кожу. Файл прикреплен к общей сети больницы под названием «Аномалия_Эфир». Пароль я разослала всем заведующим отделениями час назад. Если вы сейчас подпишете мой приказ об увольнении, завтра утром сюда придет Следственный комитет. Они очень заинтересуются тем, почему вы пытаетесь изолировать врача, владеющего техноло-

гией регенерации, которой нет в учебниках. Выбирайте. Или мы открываем исследовательский отдел. Или садимся за сокрытие данных.

В зале повисла мертвая тишина, нарушаемая только гудением проектора. Лицо Ильи Львовича пошло багровыми пятнами. Начмед судорожно сглотнул.

Вера бросила пульт на стол.

— Заявление по собственному желанию я принесу вам после обхода реанимации. Не смейте подходить к моему пациенту. У него мои швы.

Она развернулась и вышла, чеканя шаг по линолеуму. Позади раздался звук упавшего тела — это грузный начмед сел мимо стула от сочетания гипертонического криза и ужаса перед прокуратурой.

За два дня до этого. В кабинете патологоанатома Григория Марковича, имеющего прозвище "Архивариус смерти". Вечно простуженный старик, пропахший табаком и формалинм. Больше времени проводит в секционной, чем дома. Да и то сказать — кто его ждет дома...Одни стены! А с ними не поговоришь.

- Слушай, тут ко мне приходил этот твой Роман. Мы с ним покумекали. — Григорий Маркович налил себе и Вере крепкого чая — Мощный мужик! Держись за него, девочка. — Он потряхнул головой — Но я не об этом. Слушай, я махровый атеист. Но посмотри вот на это. Помнишь того первого парня, когда у тебя начались видения или что там...

Обычная экспертиза ничего не дала. Но на клеточном уровне я нашел следы термического воздействия при сверхнизкой температуре. Парадокс, скажешь ты? И будешь права. Вот смотри биопсию: видишь эти клетки? Они умерли счастливыми мгновенно от холода. А те, что вокруг – они кричали, сгорая заживо. Красиво, правда? Совсем не по учебнику. Твой хахаль принес некоторые приборчики... У тебя теперь есть с чем идти на конференцию.

Глава 7. Кира. Симфония разрушения (Аkkордия, Нижний город, Площадь Чистого Резонанса)

Магистр Гильдии Инквизиторов Корвус (позывной "Охотник"). Преследователь Киры. Идеально прямая спина, лицо скрыто серебряной маской резонатором, руки всегда в белых перчатках. Он слышит фальшь в любой ноте вселенной. Для него Кира – это раковая опухоль в музыке сфер, которую надо удалить. Он методично вырезает все пути Киры, загоняя ее в ловушку. В мире звуковой магии у него идеальное оружие – не огонь, а звуковая блокада. Абсолютная тишина, лишаящая боевика возможности использовать магию звука. Он гонит Киру к разлому между мирами, Чтобы выбросить ее за пределы этого ЕГО мира. Кира обречена... по его мнению.

Корвус любил устраивать облавы на рассвете. Когда первые лучи солнца касаются шпилей Гильдии, акустика города становится идеальной для Арии Безмолвия. Звук вязнет в утреннем тумане. Сегодня он загонял Киру на Площадь Чи-

стого Резонанса.

Они ждали её у фонтана. Десять Гончих Инквизиции в белых масках-резонаторах. Сам Корвус стоял в центре, воздев руки. Пространство вокруг него уже начало стекленеть, теряя эхо. Воздух стал плотным, как вода на большой глубине. Дышать стало больно — давление плющило грудную клетку.

Кира улыбнулась. Серебряные нити Риана под кожей спины отозвались приятным теплом, впитывая излишки адреналина. «Десять минут», — напомнил механик её же голосом из глубин памяти. *«Потом превратишься в овощ».*

— Волчица, — голос Корвуса прошел сквозь фильтры маски, лишенный интонаций. — Отдай артефакт. Открой горло для Песни. Стань чистой нотой в хоре Великого Звучания.

— Хор фальшивит, — огрызнулась Кира. Её собственный голос показался ей глухим — купол тишины начал сжиматься.

Первая Гончая прыгнула. Бесшумно, без единого звука шагов по брусчатке. Идеальный убийца. Кира не стала уклоняться. Она приняла удар на жесткий блок предплечьем. Раздался хруст ломаемой кости нападающего — но звука удара никто не услышал. Купол поглотил его. Гончий рухнул тряпичной куклой, так и не издав крика.

Это взбесило остальных. Инквизиция бьет звуком. Но если звука нет, они слепы и глухи друг к другу. Кира рванула вперед, ныряя в мертвый вакуум их заклинания. Мир для

них сузился до визуального контакта.

Она схватила второго Гончего за маску. Рывок. Пластик лопается. Кира впечатывает ладонь в открытый рот кричащего врага. Она не использует магию. Она просто пропускает через тело мужчины низкочастотный резонанс, который собрала в ногах во время бега. Внутренние органы противника превращаются в желе. Тело взрывается изнутри кровавой взвесью, которая тут же оседает серым пеплом в абсолютной тишине.

Корвус побледнел под маской. Его контроль трещал по швам. Чтобы удержать купол над убегающей добычей и одновременно пытаться убить её, требовалось нечеловеческое напряжение. — Достаточно! — пророкотал он.

Он опустил руки. Площадь содрогнулась.

Ария Безмолвия сменилась Кодой Катастрофы. Корвус перестал поглощать звук. Он начал его *генерировать*. Чистейшая синусоида частоты Ре вырвалась из его груди. Это был не крик. Это был физический таран.

Волна уплотненного воздуха врезалась в Киру. Её приподняло над землей и протащило спиной по колоннаде храма. Серебряные нити вспыхнули адским огнем, пытаясь амортизировать удар. Ребра затрещали. Перед глазами поплыли красные круги. Легкие горели — воздух исчез, сплюснутый давлением.

Кира перекатилась, прячась за опрокинутую статую древнего композитора. Бронза застонала от очередного удара Ин-

квизитора. Статуя начала плавиться. Нужно контратаковать. Но чем? Голос сорван. Магия заблокирована болью.

Её взгляд упал на землю. На мостовую. На гранитные плиты, уложенные сотни лет назад. Идеальный проводник вибрации.

Кира вонзила пальцы в щель между камнями. Забыла дышать. Забудь про легкие, забудь про кровь. Ты — земля. Она ударила. Не кулаком. Всем своим существом, используя ману-камеру Риана как детонатор. Импульс ушел вниз, в фундамент площади. Гранит завибрировал. Сначала незаметно. Затем частота нарастала.

Корвус почувствовал неладное слишком поздно. Его идеальная мелодия дрогнула, когда первая плита под его ногами пошла сетью трещин. Кира вложила остатки заряда в финальный импульс.

Площадь Чистого Резонанса вздыбилась. Гранитный массив лопнул, словно стекло. Из-под земли вырвался гейзер перегретого пара и обломков базальта. Фонтан подбросило в воздух. Гончих разметало, как щепки.

Сам Корвус успел создать щит, но ударная волна швырнула его на ступени Гильдии, сорвав серебряную маску. Впервые за двадцать лет кто-то увидел лицо Инквизитора — обычное человеческое лицо, искаженное животным страхом перед хаосом.

Кира лежала на боку в воронке, глотая пыль пополам с кровью. Левое плечо выбито. В спине невыносимо жгло —

несколько нитей Риана сгорели, сплавив кожу с позвоночником. Но она была жива.

Над городом плыл вой сирен Магистрата. Пути назад не было. За уничтожение главной площади столицы полагалась лишь одна казнь — Распевание, медленное растворение личности в белом шуме. Ей нужно бежать из города. Сейчас же.

Аккорд IV. Каденция (Подготовка к разрешению — Соль мажор / G) *Звучание: Целенаправленное движение, маршевый ритм перед финальным ударом.*

Глава 8. Синхронизация (Интерлюдия)

Часть I. Москва. Анатомия пустоты (*Тональность: Соль-диез минор / G#m — тревожная, звенящая тишина перед ударом*)

Вера стояла посреди своей разгромленной квартиры не как хозяйка, а как судмедэксперт на месте преступления. Осколки чашки с чаем Анны Павловны хрустели под каблучками дорогих туфель, которые она надела утром «для уверенности» и в которых теперь чувствовала себя приговоренной к расстрелу. Воздух пах остывшим бергамотом, пылью и озоном.

Она была абсолютно трезва. Холодный медицинский разум работал на пределе оборотов, отсекая панику, как гангренозную конечность. Разбитая чашка — результат тремора рук после адреналинового всплеска. Вполне объяснимо. Сломанный стул — следствие потери координации во время микро-сна. Бывает при истощении. Электронное письмо, за-

висшее на экране ноутбука, который она даже не включала, — это уже выходило за рамки неврологии.

Телефон издал тихий щелчок. Не звонок. Системное уведомление почты, которая была привязана только к portalу Госуслуг и сайту по поиску редких партитур для виолончели. *«Уведомление о пространственной аномалии. Реестр недвижимости Аккордии».*

Вера моргнула. Протерла глаза костяшками пальцев. Письмо никуда не исчезло. Оно было оформлено по всем правилам деловой переписки: шапка с золотым тиснением, регистрационный номер, печать в виде двух скрещенных молний. В графе «Объект» значилось: *«Шпиль Чистоты, сектор Эшер-Нок»*. Статус: *«Критическая дестабилизация материи. Класс угрозы: Апокалипсис»*.

Её внутренний диагностик выдал единственно возможный вердикт: *«Острая шизофрения с бредом ложного узнавания. Галлюцинаторно-параноидный синдром»*. Но тут же воссталa вторая её часть — та самая Вера из подвальных видений. Она знала этот запах. Озон перед грозой всегда пах именно так. И координаты... Широта Эшер-Нок. Та самая точка, куда сходились линии подземных катакомб, где гранит пел от старости. Это был резонанс.

Она подошла к столу. Среди медицинского мусора — ампул из-под физраствора, которыми она пыталась снять тремор, и рассыпанных таблеток глицина — лежал старый латунный ключ. Анна Павловна вложила его ей в руку час на-

зад, словно передавая эстафетную палочку в ад. Ключ от старого больничного морга. Стены там толстые. Там тихо.

Вера посмотрела на свое отражение в темном окне. На ней всё еще был хирургический костюм под распахнутым пальто. Халат прожжен на плече — след того самого синего огня. — Хорошо, — сказала она пустой квартире. — Если я схожу с ума, то сделаю это профессионально. Со скальпелем в руке.

Она схватила со спинки стула кожаную сумку, бросила туда остатки антибиотиков, жгут, бутылку воды и ключ. Выходя, она машинально заблокировала дверь на два оборота. Привычка врача сохранять порядок даже в эпицентре эпидемии безумия.

Часть II. Аккордия. Симфония пепла (*Тональность: Фадиез мажор / F# — ярость, ослепляющая и разрушительная*)

Кира дышала фильтрами собственного отчаяния. Каждый вдох отдавался кинжальной болью между лопаток. Спина представляла собой один сплошной ожог второй степени А — глубокий, дермальный. Серебряные нити Риана спеклись с мясом, превратив позвоночник в раскаленную высоковольтную линию. Боль была настолько абсолютной, что стала белой. Чистой нотой Си контроктавы.

Она доковыляла до тайника контрабандистов в старых катакомбах Водохранилища. Здесь воняло мокрым камнем, грибком и дешевым джином. Старый друг-жрец Тиссель сидел на ящике, раскачиваясь взад-вперед. Его руки тряслись

так сильно, что он пролил выпивку на рясу. Когда массивная фигура Волчицы возникла в проеме арки, загораживая единственный источник света, он икнул.

— Ты... ты уничтожила площадь, — просипел он, глядя мимо неё, в темноту тоннеля, откуда доносился нарастающий гул сирен Магистрата. — Там кратер, Кира. Шпиль Инквизиции... его просто нет. Сложился внутри себя. Гильдия объявила Красный Код. Они спустят Гончих Пустоты. Тебе конец.

Кира прислонилась плечом к влажному граниту. Левая нога подогнулась, но она удержала равновесие, ударив кулаком по стене. Камень треснул.

— Заткни свою гниющую пасть, Тиссель, — голос звучал глухо, пробиваясь через лопнувшие сосуды в горле. — Мне плевать на Кодекс. Мне плевать на Корвуса. Дай мне проход. Сейчас.

— Куда?! Весь город перекрыт! Резонаторы сошли с ума!

— Центральный ретранслятор. На крыше Шпиля Чистоты.

Тиссель замер. По его лицу пошли белые пятна. — Ты рехнулась? Ретранслятор питает половину столицы! Если направить луч дестабилизации прямо в сердце узла... — Именно, — Кира оттолкнулась от стены и шагнула к нему. От неё пахло гарью, кровью и чем-то древним, чужим. — Я перегружу контур. Направленный выброс такой мощности разорвет ткань реальности. Мир попытается исцелить сам

себя. Он вскроет гнойник.

Она нависла над ним, зажимая рукой дымящуюся рану. Сквозь пальцы сочилась черная сукровица, смешанная с серебром сгоревших нитей. — Или Корвус найдет меня здесь раньше, чем откроется окно, — добавила она тише. В этой фразе не было страха смерти. Было холодное бешенство проигрывающего игрока. — У него мой запах. Мое эхо. Открывай портал, или я вырву тебе гортань голыми руками и использую трахею как духовой инструмент для призыва бури.

Тиссель сглотнул. Посмотрел на её окровавленную руку, потом на свои трясущиеся пальцы. Он ненавидел её. Презирал. Но он был картографом эфира, и он видел расчеты. Её план был безумен ровно настолько, чтобы сработать. Как взрывчатка, заложенная в фундамент слишком устойчивого здания. Он достал из-за пазухи тусклый кристалл-навигатор. — Три минуты, — прошептал он. — Потом нас накроет откатом. Мы оба превратимся в статуи из соли.

Кира кивнула. Она закрыла глаза, сосредотачиваясь. Ей нужно было подняться на тридцать этажей вверх по внешней стене башни, пока маги Инквизиции пытаются собрать свои мозги обратно после акустического удара. Боль в спине вспыхнула алым. Она впитала её. Переварила. Выплеснула в ноги. — Время пошло, — бросила она и растворилась в тенях катакомб.

Часть III. Гамма-луч. Столкновение частот (*Тональность: Хроматическая гамма хаоса — все двенадцать нот одно-*

временно)

00:01. Вера. Она интуитивно знала, что надо делать. Как будто кто-то огромный и сильный нашептывал прямо в голову пояснения. Подвал морга встретил её холодом могильного склепа. Настоящим холодом, который не могли дать современные кондиционеры. Стены здесь действительно были метровыми. Гранит старой кладки жадно пил любой звук. Вера сбросила пальто прямо на пол. Достала из сумки дефибриллятор *Zoll*, бухту кабеля и банку поваренной соли. Она двигалась быстро, экономно. Рассыпала соль кругом вокруг секционного стола. Разделась по пояс, скидывая пропитанную страхом одежду. Свинец рентгеновской жилетки обжег кожу холодом. Она легла на стол. Металл принял её тело, как форму для литья. Она взяла электроды. Взглянула на них. Обычные медицинские утюги. — "Сухо", — прошептала она сама себе команду хирурга. И вонзила заточенные контакты в собственные предплечья, пробивая кожу до мяса. Кровь хлынула на сталь. Боль была оглушительной. Она отрезала всё лишнее. Остался только пульс. Ровный. Предательски сильный. Она нажала кнопку заряда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.